

Несъ дружбѣ плачущей, спенящей и унылой
Во нѣмѣ полунощи, надъ шихою могилой,

И небеса на плодѣ Цефизовыхъ садовъ
Благословеніе сулили ;

И дружбы дерево отъ вѣтра и громовъ
И зноя освѣтили.

Творецъ, Который все хранишь,
Кто злыхъ и добрыхъ дѣлъ Свидѣтель,
Забудешь ли когда достойно наградишь
Признашельность и добродѣтель!

— иѣшій —

О л ы т н о с т ь .

Кто съ минушу переможешь
Хладнымъ разумомъ любовь,
Время шягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложешь.
Пусть не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудросью дружись ;
Но съ разсудкомъ вновь зашпоришь,
Хоть не радъ, но дверь ошворишь,
Какъ проказливый Эротъ
Постучишся у воротъ.

Испышалъ я самъ собою
Испину сихъ правыхъ словъ.
„Добрый пушь! прости любовь!
„За богинею слѣпою,
„Не за Хлоей, полечу,
„Щасье, щасье ухвачу!“
Миналъ я въ гордосши безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шумный,

Оглянулся . . . и Эрощъ
Поспучался у воротъ.

Нѣтъ! мнѣ, видно, не придется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жишь,
И покамѣстѣ жизни нишь
Старой Паркой *тамъ* придется,
Пусть владѣетъ мною онъ!
Веселишься — мой законъ.
Смерть откроетъ гробъ ужасный,
Пошемяютъ взоры ясны,
И не спукнется Эрощъ
У могильныхъ ужь воротъ!

1 . . . 14 — 16.

